

## РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31857/S086919080006149-0

**Для цитирования:** Перепелкин Л.С. [Рец. на:] *Восток на Востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции диаспоры*. Автор проекта, научный и литературный редактор С. А. Панарин. СПб.: ИВ РАН, Нестор-История, 2016, 314 с. ISBN 978-5-4469-0883-7. *Восток (Oriens)*. 2020. № 1. С. 218–223. DOI: 10.31857/S086919080006149-0

**For citation:** [Review of:] Perepiolkin L.S. *East in the East, in Russia and in the West: Cross-Border Migrations and Diasporas*. Ed. S.A. Panarin. Saint Petersburg: Institute of Oriental Studies of the RAS, Nestor-Istoriia, 2016, 314 p. ISBN 978-5-4469-0883-7. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 1. Pp. 218–223. DOI: 10.31857/S086919080006149-0

ВОСТОК НА ВОСТОКЕ, В РОССИИ И НА ЗАПАДЕ:  
ТРАНСГРАНИЧНЫЕ МИГРАЦИИ И ДИАСПОРЫ.

Автор проекта, научный и литературный редактор С.А. Панарин.  
СПб.: ИВ РАН, Нестор-История, 2016, 304 с. ISBN 978-5-4469-0883-7

© 2020

Л.С. ПЕРЕПЕЛКИН <sup>а</sup>

<sup>а</sup> – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия  
leonethnography@yandex.ru

Рецензируемая книга представляет собой продолжение многолетнего коллективного исследования, часть которого уже была опубликована<sup>1</sup>. Речь в ней идет о трансграничных миграциях и диаспорах. Связанные с ними проблемы уже не один год нарушают спокойствие во многих уголках мира. Достаточно вспомнить один из последних случаев (2018 г.), когда сотни, а то и тысячи граждан стран Центральной Америки осаждали южные границы США. Можно предположить, что проблемы эти с течением времени будут все более обостряться.

Характерная черта данного исследовательского проекта – участие в нем многонационального научного коллектива и широкий тематический диапазон. Авторы книги – ученые из различных исследовательских центров России, Италии и Монголии. В книге идет речь и о миграциях различных типов, различающихся по целям, странам / регионам выбытия и прибытия, этническим характеристикам мигрантов и т.д., и о проблемах восприятия и адаптации мигрантов в принимающей стране, и о формировании диаспор, изменениях практик мигрантского поведения, и о других злободневных вопросах, так или иначе связанных с безопасностью как самих мигрантов, так и обществ, в которые они попадают.

Книга состоит из Предисловия и трех разделов. В Предисловии Сергей Панарин указывает, что предмет исследования – такие пространственные перемещения, в ходе которых мигранты пересекают границы между бытийными мирами, в той или иной степени различающимися между собой и потому непривычными и чуждыми. Трансграничные

<sup>1</sup> См.: Панарин С. (отв. ред.) *Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур* (Материалы Международного семинара, г. Суздаль, 15–17 ноября 2011 г.). СПб.: Интерсоцис, 2012; Панарин С.А., Полывянный Д. И. (ред.) *Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления, концепции, ситуации*. Материалы международной конференции. М., 15–16 окт. 2012 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013; Панарин С.А. (отв. ред.). *Трансграничные вызовы национальному государству*. СПб.: Интерсоцис, 2015.

миграции объединяются в совокупность, явно или неявно противопоставляемую миграциям внутренним (с. 7–8); представляют собой «многослойное» явление, полное исследование которого трудно поместить под одной обложкой; и в пределе не ограничиваются только актуальными перемещениями, поскольку «даже там и тогда, где и когда потребность в перемещении, казалось бы, веками не возникала, люди отказывались от движения в пространстве все-таки после того, как взвешивали все его возможные плюсы и минусы, т.е. после того, как совершали его **мысленно**» (с. 11. – *выделено автором*). Здесь сформулирована идея, которая редко встречается в литературе о миграциях, – идея о том, что сначала они проигрываются в ментальной области, а уж потом реализуются либо не реализуются на практике.

В Разделе I «Восток на Востоке: монголо-корейский case с эфиопским дополнением» рассматриваются миграции монголов в рамках Дальневосточного региона, а также проблемы вернувшихся мигрантов в Эфиопии. В Разделе II «Восток в России: восприятие-адаптация-идентичность» поднимаются некоторые социально-психологические вопросы миграции. В Разделе III «Восток на Западе: с разных “Востоков” с разными целями» рассматриваются некоторые проблемы миграций в страны Западной Европы.

Всего, кроме Предисловия, книга содержит 15 статей, и каждая из них имеет настолько фундаментальную исследовательскую базу (опросы, статистический материал, вторичный анализ имеющейся литературы и проч.), что вряд ли было бы целесообразно рассмотреть здесь их все. Соответственно мы обратим внимание на те, что дают наилучшее представление о книге в целом и чья тематика редко встречается (если вообще встречается) в русскоязычной литературе. Это статьи Николая Стеблина-Каменского, Дмитрия Полетаева, Сергея Филатова и Раисы Акифьевой (в соавторстве с Валерией Ерашевой).

Статья Н. Стеблина-Каменского «Волло, Эфиопия: локальное представление о трансграничной миграции и стигматизация вернувшихся» основана на личных полевых наблюдениях и интервью. Мне вообще редко встречались работы, в которых внимательно рассматривались бы проблемы ре-миграции и возникновение причин подобного рода «стигматизации» при возвращении. Например, так как миграция преимущественно осуществлялась на Север в арабский мир, выезжающие предпочитали брать себе арабские имена (с. 85). Не всегда экс-мигранты привозили домой деньги, что создавало большие проблемы для их семей (с. 86). Значительная часть населения Волло составляют выходцы с Юга, оромо, которые нещадно эксплуатировались как зажиточными амхара, так и богатыми мусульманскими семьями (с. 87). Оппозиционные силы страны считают, что в миграции виновато бездарное правительство (с. 90).

Критическое отношение к миграции выявляется и в ходе эмпирических исследований. Так, некоторые информаторы, вероятно стремясь к самооправданию, рассматривают миграцию исключительно как вынужденный шаг. Другие – как жертву, на которую они вынуждены были пойти ради себя и своих близких. Некоторые хотели уехать, но остались (с. 91). Но теперь, собственно, о стигматизации «возвращенцев». Им нередко приписывается желание легких денег, жадность, криминальная деятельность, вспыльчивость и психические расстройства (с. 92–94). Автор даже поднял вопрос об «обратной интеграции трудовых мигрантов» (с. 101). В целом «на уровне дискурса превалирует представление о том, что трудовая миграция – противоестественный процесс, вредящий детям и стране, что риски ее очень высоки, а выигрыш довольно сомнителен. Кроме того, велика вероятность, что человек вернется вспыльчивым, а то и сумасшедшим. На уровне же практик в трансграничную трудовую миграцию вовлечена практически вся молодежь, а на “арабские” деньги построено множество новых домов, имеющих очень высокую символическую ценность» (с. 99–100).

В данной статье также затронут феномен, который в социологии и антропологии называется «культурным шоком». Последнее понятие означает, что переселенец в другую страну сталкивается не только с разными культурными и социальными стандартами и нормами, но и с существенно различным уровнем, характером и качеством потребления. Наиболее ярко это демонстрируется «культом карго/товаров» у папуасов и меланезийцев, столкнувшихся с европейской культурой.

Еще одно важное замечание: «Негативный дискурс о миграции, поддерживаемый эфиопским государством и СМИ, на первый взгляд призван уменьшить поток мигрантов. Однако создается впечатление, что скорее образ угнетенных соотечественников-мигрантов используется для консолидации населения страны» (с. 102).

В статье Д. Полетаева «Изменение практик поведения трудовых мигрантов из Средней Азии в России» рассматриваются некоторые аспекты адаптации и интеграции выходцев из Центральноазиатского региона. Статья базируется на анкетных опросах, а также на многочисленных интервью с женщинами – трудовыми мигрантами из Киргизии и Таджикистана, в ней рассматривается вопрос об отношении россиян к мигрантам из Средней Азии. По словам 80,8% опрошенных женщин-мигрантов, в принимающей стране к ним относятся «хорошо» или «нейтрально». У принимающей стороны представления о мигрантах гораздо более негативны. Так, к представителям Таджикистана, Узбекистана и Киргизии «нормально» относятся лишь 21,6% россиян, «не очень хорошо» – 37,4%, «плохо» – 40,2%. Подобное отношение и к выходцам из Азербайджана, Армении, Грузии, а также республик Северного Кавказа. При этом наши сограждане гораздо лучше относятся к мигрантам из Украины, Молдавии, Белоруссии (с. 180). Есть классический вопрос-тест на ксенофобию и мигрантофобию: «Как вы относитесь к тому, что ваш сын или дочь вступят в брак с мигрантом?». Отрицательно («Никогда не поддерживаю такой выбор») по отношению к выходцам из Таджикистана ответили 82,6% опрошенных. На том же уровне отношение к мигрантам из Узбекистана, Киргизии, Азербайджана, Северного Кавказа. Чуть лучше отношение к мигрантам из Армении и Грузии (соответственно 76,1 и 73,4% отрицательных ответов). Вполне благожелательное отношение к бракам с выходцами из Украины, Молдавии и Белоруссии, хотя следует отметить, что молдаване все-таки вызывают у наших соотечественников высокую настороженность (54% отрицательных ответов) (с. 181). Можно предположить, что ксенофобия и мигрантофобия во многом связаны с религиозной и культурной дистанцией между мигрантами и россиянами (с. 182). Выходцы из республик Северного Кавказа относятся к обеим категориям.

Автор исследования так резюмировал этот раздел работы: мигрантофобия «уменьшает возможность для взаимодействия и общения трудовых мигрантов с местными жителями, она снижает скорость их адаптации в российском обществе. Помимо всего прочего, она снижает их доверие к государственным сервисам, персонал которых также заряжен мигрантофобией и в лучшем случае не отличается дружественным настроением по отношению к мигрантам (с. 182). Настороженное отношение россиян к мигрантам заставляет тех искать поддержку у «своей» диаспоры, преимущественно у соотечественников, уже «укрепившихся» в России. При этом «старые» мигранты не только помогают вновь прибывшим в сфере работы, но и пытаются установить контроль за поведением земляков, особенно молодых женщин. Вплоть до того, что могут связаться с их родственниками. Это дополнительно замедляет адаптацию мигрантов в России и может нести репутационные издержки на родине (с. 182–183). Более 60% таджичек и киргизок в случае возникновения трудностей намерены обратиться к родственникам или землякам в России или на родине и только менее 5% к кому-нибудь из местных жителей.

При этом автор отмечает, что «стремление... мигрантов к освоению новых для них моделей поведения, присущих россиянам, гораздо сильнее, чем можно было ожидать» (с. 186). Интересны следующие ответы (соответственно москвичи и мигранты, %):

| Скорее стараются( <i>юсь</i> ) соблюдать | Москвичи | Мигранты  |
|------------------------------------------|----------|-----------|
| Свои традиции и обычаи                   | 41,5     | <u>69</u> |
| Российские традиции и правила            | 3,2      | <u>29</u> |

Мигранты не хотят соблюдать наши традиции и правила (54,3 – ответ москвичей) (с. 187). Автор констатирует, что мигранты меняют свой образ жизни только на время пребывания в России, а на родине возвращаются к традиционным практикам (с. 189).

Между тем многие мигранты из Средней Азии ощущают Россию как более свободную страну, чем свою собственную, особенно молодежь, которая «стремится выйти из-под традиционного контроля общества». Тем более что после распада СССР в Средней Азии произошла заметная архаизация, которая, правда, стала замедляться.

По поводу вероятности того, что часть трудовых мигрантов останется в России навсегда, Д. Полетаев пишет следующее: «В особенности сильны более свободные, менее регламентированные межличностные отношения в российском обществе, в том числе между полами, финансовая независимость, иной даже в быту образ жизни меняет женщин – трудовых мигрантов, и они не видят возможностей для возвращения на родину» (с. 189, 191).

С. Филатов в статье «Русская православная церковь и трудовая миграция из ареала ислама» рассматривает отношение православных и РПЦ к трудовым мигрантам, которое представляет особую проблему только тогда, «когда оно обращено на представителей народов, традиционно исповедующих ислам или традиционно ассоциируемых с мусульманским вероисповеданием». Доля мусульман в миграционных потоках составляет от 2/3 до 1/2 (с. 214–215), при этом опросы показывают, что среди верующих-православных отношение к трудовым мигрантам-мусульманам хуже, чем среди остальных граждан России (с. 216). Автор задается вопросом: «Может быть, основные противоречия вызваны, в первую очередь, специфическим поведением самих мигрантов?» (с. 217).

Требования верующих-православных сосредоточены на прекращении миграций и изгнании иммигрантов-мусульман на родину. «В идеологии многочисленных православных военно-спортивных и патриотических клубов и движений заметное место занимает идея сплочения на основе православной веры против иноверческой мусульманской экспансии» (с. 218).

Руководство РПЦ считает своим долгом защиту православных как в России, так и по всему миру. Однако на этом уровне отношение православия к исламу является вполне терпимым, что объясняется хорошими связями между руководством обеих конфессий, сходством идеологических пристрастий глав обеих религий, а также минимальностью исламского прозелитизма в России (с. 219–220). При этом руководство РПЦ обвиняет некоторые группы мусульман (но далеко не всех) в радикализме и разжигании конфликтов (с. 221).

Очевидно стремление Патриарха к взвешенным оценкам. Более того, Патриархат настроен на конструктивную работу с мигрантами. Так, «В 2012 г. РПЦ начала систематическую работу среди гастарбайтеров. Координация этой работы возложена на Миссионерскую комиссию при Епархиальном совете города Москвы. /.../ Цель комиссии – способствовать интеграции мигрантов в русскую культурную среду. Комиссия сотрудничает с Федеральной миграционной службой, разработала ряд программ, апробированных и действующих в настоящее время. В частности, это языковые курсы, обучение основам культуры и законодательства Российской Федерации, экскурсии и беседы с мигрантами, выпуск различной просветительской литературы на русском языке с параллельным переводом текстов на языки народов Средней Азии» (с. 222). РПЦ участвует и в целом ряде других проектов, связанных с адаптацией мигрантов (с. 223).

С. Филатов условно выделяет несколько направлений интеграционной политики РПЦ: «либеральное», связанное с помощью всем мигрантам вне зависимости от вероисповедания, и миссионерское, призванное крестить мусульман. При этом миссионерские действия могут быть хотя и не агрессивными, но весьма активными (с. 224–225). В Интернете какое-то время назад была размещена информация о том, «что благодаря этой стратегии от ислама отреклись 1479 человек. Достоверно известно примерно о ста мусульманах, обратившихся в результате миссионерской практики о. Даниила в православие. В основном это этнические татары, но среди них и таджики, и узбеки, и даже пакистанец из числа бывших ваххабитов» (с. 227).

Статья Р. Акифьевой и В. Ерашовой «Культурные и интеграционные практики русскоязычных женщин в процессе брачной миграции в Нидерланды» посвящена адаптации наших соотечественниц в странах Запада в условиях межкультурных браков (или, как это называют авторы, «смешанных союзов»).

Конечно, миграция в Нидерланды предполагает ряд требований со стороны властей, которые придерживаются «ограничительной миграционной политики». Среди них: базовые знания нидерландского языка, знакомство с историей и устройством страны; сдача соответствующего экзамена, что требует значительных временных и материальных затрат; в случае брачной миграции требуется доказательство финансовой состоятельности партнера; проживание на территории Нидерландов сроком от трех до пяти лет с действующим видом на жительство. «В целом брачная миграция – весьма трудоемкий и затратный процесс», резюмируют авторы.

Первым шагом в исследовании было определение этничности/идентичности в контексте миграции, ибо «...личные интеграционные проблемы ставятся в казуальную связь с обобщающими этническими категориями: работу найти трудно – голландцы не помогают; трудно найти друзей – у голландцев иные представления о дружбе» (с. 279–280). Кроме того, важными аспектами идентификации являются определение себя как жителя большого/малого города и профессия (с. 280).

Переезжая в другую страну, трудно избежать предрассудков и дискриминации, и это особенно касается брачной миграции. «Наши респондентки явно воспринимают себя в качестве стигматизированной группы, основания – транслируемый СМИ образ меркантильной русскоязычной женщины». При этом респондентки хотя и описывают личный опыт столкновения с дискриминацией и предрассудками, в том числе и со стороны родственников партнера» (с. 281), но сами акцентируют романтические причины переезда.

Конечно, когда речь идет о миграциях, важный вопрос заключается в представлении о гендерных ролях. Существуют некоторые различия между нидерландской и российской моделями семьи. Нидерланды относятся к странам с «сильной» (со своими отличиями от других стран) моделью семьи, которая характеризуется тенденцией к равенству мужчин и женщин в семье и выполняемых ими функциях. Российская/советская модель семьи относится к «слабому» типу, в первую очередь потому, что большая часть работы о быте и детях – прерогатива женщин, притом что оба супруга, как правило, работают (с. 283). Следует отметить, что у части респонденток наблюдается так называемая этнизация нарративов, т. е. они пытаются объяснить межстрановые различия гендерных моделей этнической принадлежностью супруга (с. 284). Различия в гендерных моделях подчеркиваются и тем обстоятельством, что «по сравнению с голландками русскоязычные женщины “более женщины” не только по взглядам, но и по внешнему виду. В первую очередь это проявляется в том, как они одеваются. Женственность в одежде для них означает предпочтение юбок и платьев, обувь на каблуках. Стиль одежды может быть использован в качестве ресурса для конструирования этнической идентичности, для поддержания границ между “своей” и “другой” группой» (с. 285).

Очень важным аспектом для самоидентификации русскоязычных брачных мигрантов в Нидерландах является профессиональный статус, так как «респондентки полагают профессиональную занятость важным индикатором успешности человека и его уровня образованности» (с. 286). При этом многие женщины описывают историю своей миграции как самопожертвование, так как в результате произошла нисходящая социальная мобильность. При этом соотечественницы используют любые возможности для возвращения утерянного профессионального статуса (с. 287).

Надо сказать, что славянские мигрантки стремятся к культурной интеграции в Нидерландах. Это выражается в изучении голландского языка (хотя многие в быту пользуются английским), в стремлении отмечать голландские праздники. Хотя и здесь не все происходит гладко. Так, русскоязычные брачные мигрантки не прочь отмечать и российские/советские праздники, зачастую незнакомые голландцам. Но «иногда это встречало сопротивление, приводило к конфликтам» (с. 288). Авторы так резюмируют этот раздел своей работы: «Можно говорить о культурном обмене в семьях, причем приобщение партнера к “русским” культурным практикам происходило путем переговоров и по инициативе женщины» (с. 288).

Хотя женщины-мигрантки оказались в стране с чужой культурой, брачная миграция позволяет уже на ранних этапах войти в социальные сети местных жителей. В первую очередь это касается родителей и родственников супруга. Если вначале родственники и проявляли этнические предрассудки, они затем пересматривали свои позиции, и во время интервью респондентки отзывались о них сугубо положительно» (с. 289). Но при этом, что совсем не удивительно, «многие женщины с опытом проживания в Нидерландах на момент интервью больше всего общались с русскоязычными мигрантами и со смешанными парами» (с. 290).

\* \* \*

Рецензируемая книга дает насыщенную палитру представлений о различных аспектах миграционных процессов. Все ее разделы используют «живой» социологический материал, они хорошо фундированы и опираются на глубокую исследовательскую традицию. Я уверен, что книга не «потеряется» среди других исследований аналогичного профиля.

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПЕРЕПЕЛКИН Лев Станиславович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Lev S. PEREPIOLKIN, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.